

К Р О К О Д И Л

№ 10 АПРЕЛЬ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

МОСКВА 1937

К 556
16

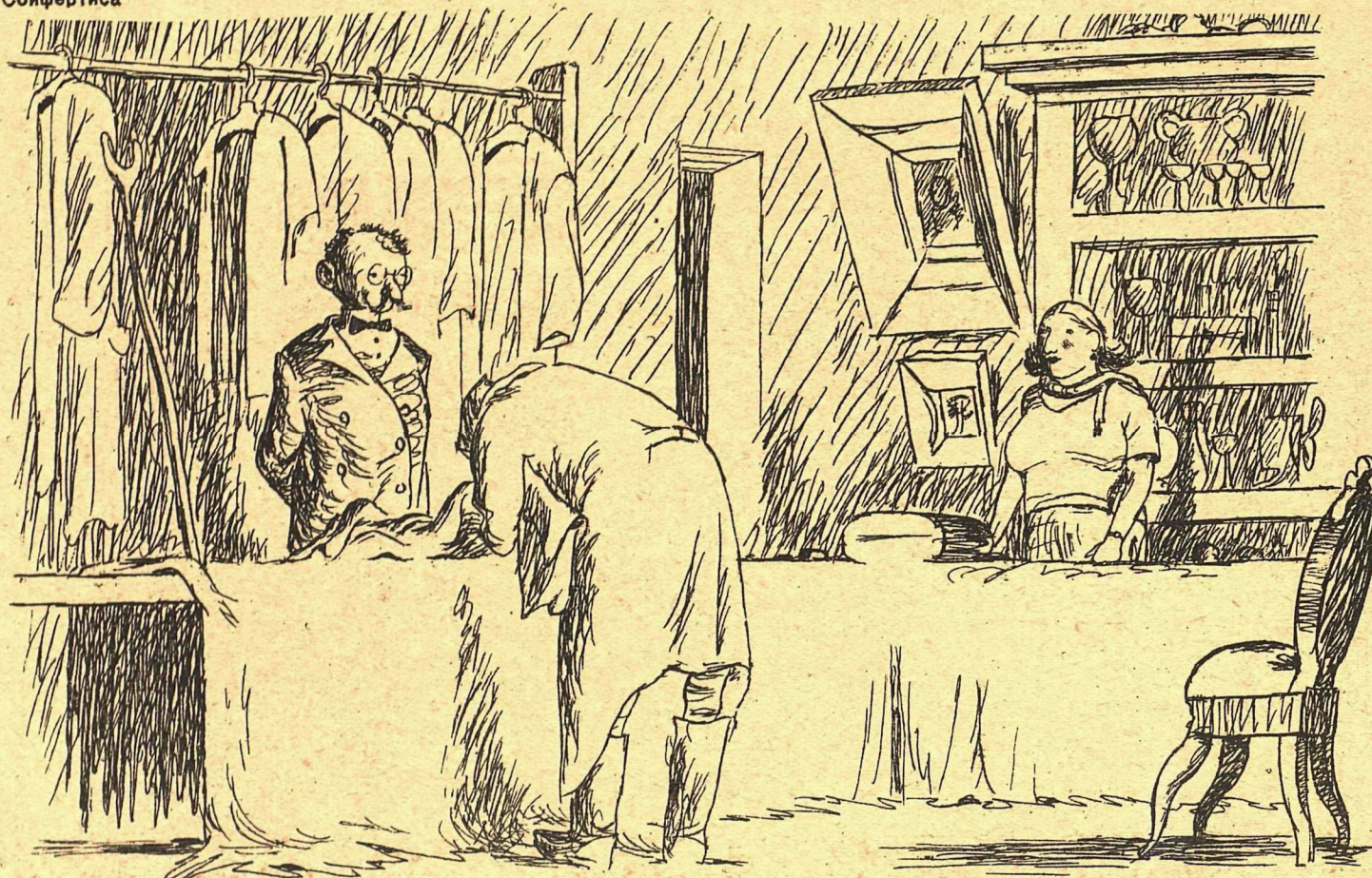

НА „МОСКОВСКОМ МОРЕ“

Рис. Л. Бродаты

Я, милый, здешнее дно лучше всякого водолаза знаю: пятьдесят восемь лет здесь, на дне, безвыездно прожила.

Рис. Л. Соифертиса

— Вы же при мне купили этот материал за 350 рублей, а с меня требуете тысячу!..
— Это — моё частное дело...

РЕПКА

В некоем городе, в некоей области жил-был товарищ Репкин, большой-пребольшой работник. В том же городе жили-были товарищ Мышкин, товарищ Кошкин, товарищ Жучкин, товарищ Внучкин, товарищ Бабкин и товарищ Дедкин.

Жили они дружно и мирно. Друг за друга горой стояли: Мышкин — за Кошкина, Кошкин — за Жучкина, Жучкин — за Внучкина, Внучкин — за Бабкина, Бабкин — за Дедкина. А все вместе и каждый порознь — за товарища Репкина, большого-пребольшого работника областного масштаба.

Бывало, соберется пленум, совещание или заседание — и стены дрожат от рукоплесканий. Мышкин аплодирует Кошкину, Кошкин — Жучкину, Жучкин — Внучкину, Внучкин — Бабкину, Бабкин — Дедкину. А все вместе и каждый порознь — товарищу Репкину, большому-пребольшому работнику областного масштаба.

Подымались они на трибуну и говорили пламенные речи. В тех речах они вдохновенно хвалили: Мышкин — Кошкина, Кошкин — Жучкина, Жучкин — Внучкина, Внучкин — Бабкина, Бабкин — Дедкина. А все вместе и каждый порознь — товарища Репкина, большого-пребольшого работника областного масштаба.

Хвалят-похвалят, нахвалиться не могут!

А если, бывало, возьмет слово какой-нибудь дерзкий и неслухменный товарищ и начнет говорить о беспорядках и недочетах, то сейчас же... Мышкин — за Кошкина, Кошкин — за Жучкина, Жучкин — за Внучкина, Внучкин — за Бабкина, Бабкин — за Дедкина. А все вместе и каждый порознь — за товарища Репкина, большого-пребольшого работника областного масштаба.

Дружно берутся они за несчастного критика и начинают его тянуть. Месяц тянут, другой тянут. Тянут-потянут, выпустить не могут.

И вот однажды приключилось большое огорчение. Большого-пребольшого товарища Репкина перебросили в другую область, в другой город. Но не надо предаваться отчаянию: Репкин потянул за собой Мышкина, Мышкин — Кошкина, Кошкин — Жучкина, Жучкин — Внучкина, Внучкин — Бабкина, Бабкин — Дедкина. Тянут-потянут, всех перетянули!

И стал товарищ Репкин распоряжаться в новой области, в новом городе: Мышкина — в земотдел, Кошкина — в здравотдел, Жучкина — в орготдел, Внучкина — в культотдел, Бабкина — в политотдел, Дедкина — в жилотдел.

Опять на пленумах, заседаниях и совещаниях бедные стены дрожали от рукоплесканий. Мышкин аплодировал Кошкину, Кошкин — Жучкину, Жучкин — Внучкину, Внучкин — Бабкину, Бабкин — Дедкину. А все вместе и каждый порознь — товарищу Репкину, большому-пребольшому работнику областного масштаба.

Скоро сказка сказывается, да нескоро дело делается. Прошло некоторое время, и вот на пленумах, заседаниях и совещаниях начали крыть Мышкина за Кошкина, Кошкина — за Жучкина, Жучкина — за Внучкина, Внучкина — за Бабкина, Бабкина — за Дедкина. А за всех их вместе и за каждого порознь — товарища Репкина, большого-пребольшого работника областного масштаба.

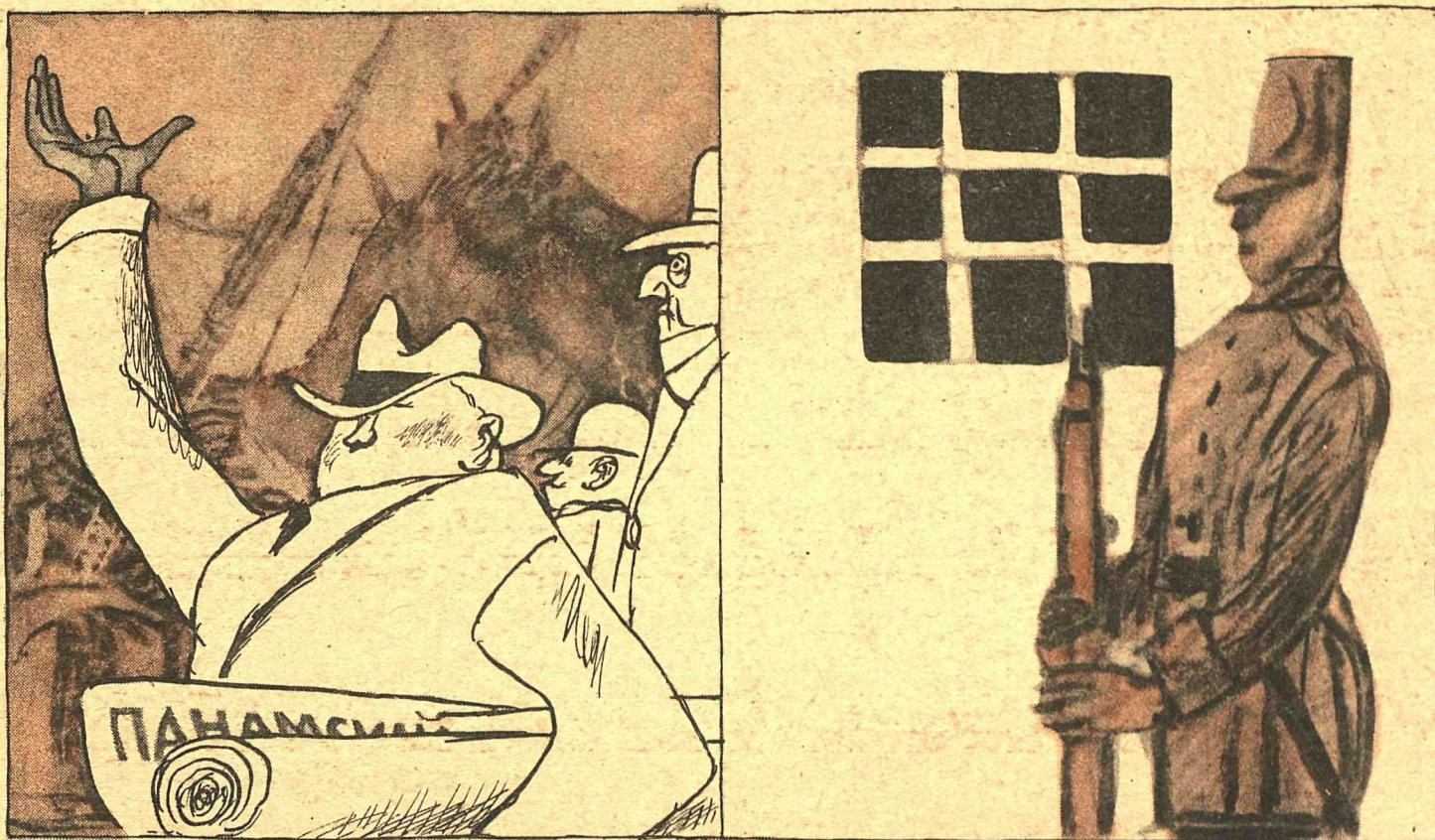
А когда после тайного голосования подсчитали голоса, то оказалось, что из списка выпали: Мышкин — вслед за Кошкиным, Кошкин — за Жучкиным, Жучкин — за Внучкиным, Внучкин — за Бабкиным, Бабкин — за Дедкиным. А вместе с ними выпал и товарищ Репкин, большой-пребольшой работник областного масштаба.

Тут нашей сказке и конец.

Г. РЫКЛИН

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Рис. М. Черемных

Знаменитый Панамский канал начали сооружать люди, находившиеся на свободе. Но при окончании строительства они оказались в тюрьме.

На канале Волга—Москва работали заключенные. Окончили работу они свободными людьми.

НАШ КАРИНКИН

Заведующий отделом кадров треста «Пух и перья» Иван Иванович Каринкин на собрание актива треста пришел раньше всех.

— Заходите, заходите, — приглашал он сотрудников с видом строгого, но вместе с тем радушного хозяина. — Тут у нас не очень уютно, но, как говорится, в тесноте, да не в обиде. Прошу, конечно, истолковать правильно, уж сегодня вы приготовьтесь: не пощадим никого.

Управляющий трестом Долговязов и два его зама заняли места за столом. Иван Иванович все время хлопотал, двигал стол на середину комнаты и во время доклада Долговязова стоял неподалеку от стола, на виду у всех.

Доклад управляющего был очень самокритичный.

— Давайте, товарищи, начистоту, — сказал он голосом дрожащим и негодующим. — Что там замазывать, сроду не замазывал и теперь не буду. Работаем мы плохо. Кто в этом виноват? Прежде всего...

— И раньше всего, — вставил реплику Иван Иванович и победоносно обвел глазами зал.

— Да, — сказал Долговязов, — и раньше всего. — Кто виноват? Мы, руководство.

— Какое руководство? — тихо, ехидно и вместе с тем грустно спросил Иван Иванович.

— То есть как какое руководство? — опешил Долговязов. — Руководство трестом «Пух и перья».

— Так и надо говорить, а не замазывать, — вразумительно и строго сказал Иван Иванович.

Кто-то из зала крикнул: «Потише!»

— Душа болит, — сказал Иван Иванович. — Нет, уж сегодня разрешите высказать все.

— Правильно, Иван Иванович, — ласково сказал Долговязов и поглядел на Каринкина ненавидящим взглядом. — Вы уж, товарищи сотрудники, не глушите активности.

Доклад Долговязова был очень самокритичен.

— Товарищи, — сказал Долговязов. — У нас большие ошибки, и надо о них говорить прямо, по-честному. Работали плохо. — Голос Долговязова стал пренебрежительно самоуничтожающим. — Дать за год 15 миллионов прибыли — это мы умели, подумаешь, тоже трудность, а вот, — голос Долговязова стал суровым, — а вот создать жилищные условия для нужных людей не умели. Прямо надо сказать. У нас есть товарищи, которые с семьей в три и даже в четыре человека буквально ютятся в двух-трех комнатах. Чья в этом вина? Наша вина. Вина руководства.

— Какие 15 миллионов? — крикнул кто-то из зала. — Что за бред!

— Что? — спросил растерянно Долговязов. — Что-то там сказали?

— Там сказали, товарищ Долговязов: «что за бред», — услужливо пояснил Иван Иванович.

— Завалить страну пухом, — продолжал самоуничтожающим голосом Долговязов, — это мы умели. Это что! А вот добиться того, чтобы при перевозке избежать потерь, — этого нет. Тут нас не было. Да что говорить! Одни убытки по перевозке за 1937 год составляют 849 рублей. Кто в этом виноват? Мы виноваты! Кто это мы? Руководство.

— Не 849 рублей, товарищ Долговязов, — сказал Иван Иванович, — а 915 рубликов. У меня есть материалы.

— Правильно, — сказал Долговязов. — Вот привычка подлая: не хотел замазывать, а замазал.

— Ну, об этом потом поговорим, — сказал Иван Иванович многообещающе.

Начались прения. Иван Иванович уже не стоял около стола президиума, а сидел в первом ряду.

Первым в прениях выступил заместитель управляющего Синькин, заявивший, что, к сожалению, ему, Синькину, приходится констатировать, что уважаемый — тут в голосе Синькина зазвучало ехидство — Антон Петрович, очевидно, забыл упомянуть о том, что перерасход по бензину для машин правления только за три месяца составил 87 рублей. На что Долговязов развел руками, а потом схватился за голову с пристыженным видом.

— А, может быть, вы припомните, уважаемый Антон Пе-

трович, — продолжал неумолимый Синькин, — как вы заставили тов. Гольдмана сидеть в вашей приемной двенадцать минут в ожидании, а на справедливейшее замечание тов. Гольдмана о том, что это — безобразие, вы с недопустимой шутливостью сказали: «Ведь не в тюрьме же вы сидите, а на диване».

Тов. Долговязов снова схватился за голову.

— Потом вы приняли Гольдмана и удовлетворили его просьбу, дали ему месячный отпуск и, очевидно, для того, чтобы спрятать концы в воду, добились для Гольдмана бесплатной путевки и даже приехали проводить его на вокзал. Так вот, товарищи.

— Ты лучше, Синькин, скажи, как у тебя дело обстоит с Пряниковым, который совершил подлог и которого ты отстаивал, — с места крикнул Иван Иванович.

И с этого момента все время задавал вопросы выступающим, вставлял реплики.

— Мало сказал, — шумел он то и дело, — недостаточно глубоко. Забюрократились. Все это не то.

Потом выступали работники треста. Они подробно и обстоятельно говорили о том, что трест работает очень плохо, что 15 миллионов прибыли — это ложь, что экспертиза бухгалтеров наднях представит материалы, из которых станет ясно, что трест дал убыток, что пух и перо плохого качества, что жилищные условия плохие, что случай с Гольдманом смехотворен, потому что у Долговязова люди просят жить в приемной по 3—4 часа, что Долговязов груб, что Синькин — лодырь и подхалим. И еще много кое-чего говорили сотрудники.

Собрание затянулось. Было уже 2 часа ночи. Товарищ с периферии попросил слова к порядку ведения собрания.

— Товарищи, — сказал он, — мы заслушали ошибки. Действительно, ошибки большие. Но вот тут товарищ в первом ряду больше всех волнуется. Он непреклонно сидит с 7 часов безвыходно на стуле. Он, наверное, многое может сказать и почему-то не выступает. Мы просим его выступить.

— Товарищи, — сказал Иван Иванович. — Я просил слова, но те, кому это не очень выгодно, видно, предпочитают мне его не давать.

— Вашей записки нет, — ехидно сказал Долговязов.

— 15 миллионов прибыли тоже нет, — сказал Иван Иванович не менее ехидно. — Ну что же, я выступлю.

— Просим, просим, — раздались голоса. — И об вашем отделе кадров скажите. Тоже отдельчик, знаете ли...

— Не забуду, не забуду, — успокоил кричавших Иван Иванович. — Итак, товарищи, я прошу слова.

— Пожалуйста, Иван Иванович, пожалуйста, — сказал Долговязов с отвратительной ласковостью.

— Но только, товарищи, мне нужно 2 часа, не меньше, меньше не возьму.

— Хватит 15 минут, — крикнул кто-то.

— Это вам хватит 15 минут, — сказал Иван Иванович. — С вашими ошибками можно в пять минут уложиться, а с моими грубейшими ошибками два часа только-только. И давай-те, товарищи, не звать меня на верхоглядское отношение к моим ошибкам.

— Уже четверть третьего, — крикнул кто-то. — Тогда завтра выступите. Надо закрывать собрание.

— У нас, товарищи, ночной трамвай, — сказал Иван Иванович.

— Да ведь завтра в девять на службу.

— Ну, как хотите, но уж завтра попрошу мне дать слово в самом начале.

— Правильно! — крикнул кто-то.

На другой день Иван Иванович не явился. По его просьбе, Долговязов огласил нижеследующую записку:

«Прикован к постели. Грипп. Как будто сердце мое предчувствовало. Просил же вчера дать мне выступить. Завтра как-нибудь притащусь. Горит душа».

Иван Иванович выздоровел только через неделю.

КОНСТ. ФИНН

МЕТЕОРОЛОГИЯ ГЕНЕРАЛА ФРАНКО

Рис. Ю. Ганфа

Для оправдания своих неудач на фронтах штаб испанских мятежников ссылается на несуществующую дождливую погоду. (Из газет)

— А я вам говорю, профессор, что сегодня идет дождь! И завтра будет идти! И послезавтра!.. И вообще, пока войска генерала Франко нуждаются в дурной погоде, мы требуем в ваших сводках только дождливой погоды!!

Рис. Л. Генча

— Тебе бы, дяденька, по этой дороге глассер, а не телегу...

Т Е Т Я Н А Д Я

В хорошо обставленной комнате перед большим — во весь рост — зеркалом стоит невысокая полная женщина с круглым румяным лицом и коротко остриженными седыми волосами, одетая в черное строгое платье, и, приветливо улыбаясь, говорит своему отражению:

— Милые вы наши подписчики! Редакция бесконечно рада видеть вас у себя. Мы хотим, ребята, чтобы вы... чтобы вы... Нет, получается слишком официально. Начну сначала.

Полная женщина делает широкий жест, разводя короткие толстые ручки, и повторяет теплым ласковым голосом:

— Милые вы наши подписчики!..

Полную женщину зовут Надеждой Георгиевной, или тетей Надей. Она заместитель редактора детского журнала «Кузик-пузик» и в настоящий, текущий момент репетирует свою речь на вечере журнального актива, который состоится через полтора часа.

— Милые вы наши подписчики! Ре-

дакция бесконечно рада видеть вас у себя... у себя... Давайте, ребята, дружно, все, как один, скажем...

— Чучело-мучело! — вдруг раздается за дверью громкий детский голос, и сейчас же тетя Надя слышит смех и топот ног. Кто-то стремглав удирает по длинному коммунальному коридору.

Надежда Георгиевна с искаженным от негодования и злости лицом выскакивает из комнаты, но врагов уже нет. Они таятся где-то в джунглях коридора, укрывшись за чемоданами и шкафами.

— Предупреждаю, — зловеще и звонко говорит тетя Надя в пыльную и темную тишину, — предупреждаю, что если поймаю, будет плохо.

Она уходит к себе и становится в прежнюю позицию перед зеркалом. Щеки ее горят, в глазах мерцают злые огоньки.

— Милые вы наши подписчики, — говорит она, не замечая своего тона, — редакция бесконечно рада видеть вас у

себя. Ребята! Давайте дружно все, как один, скажем...

— Чучело-мучело! — снова слышится за дверью отчаянный, дерзкий детский крик, и снова, выскочив за дверь, Надежда Георгиевна никого не застаёт. Лазать за шкафы, где пыль и паутина, ей не хочется. Взрослых в квартире никого нет, если не считать глухую бабушку Несилу Петровну, так что и пожаловаться некому.

Тогда тетя Надя решает на маневр. Война так война!

Надежда Георгиевна проходит к себе и тихо становится у двери. Через пять минут терпеливого ожидания она слышит крадущиеся шаги детей. Тогда заместитель редактора журнала «Кузик-пузик» стремительно распахивает дверь и ястребом бросается на своих врагов.

В плен попадает вожак банды Димка Коникив — лобастый мальчик с пустой револьверной кобурой на боку, у пояса.

— Ах ты дрянной подписчик, тьфу, мальчишка! — кричит Надежда Георг-

евна, с вождением глядя на соблазнительно-розовое димкино ухо. — Как ты смеешь мне мешать!

Пленный вырывается и молча сопит. А тетя Надя теперь уже не кричит, а шипит, как молоко, разлитое на горячей плите:

— Зачем ты мне мешаешь, зачем?!

В этом шипе столько ненависти и угрозы, что пленному Димке Коникову становится не по себе. Ему даже хочется зареветь, тем более, что он все равно не сумеет объяснить толком, за что все квартирные дети не любят заместителя редактора журнала «Кузик-пузик». Так. За все сразу. За то, что она их не замечает, и когда смотрит на Димку, то кажется, будто глядит в пустоту—такие у нее холодные, безразличные глаза. За то, что если она и говорит с квартирными ребятами, то лишь для того, чтобы сделать им замечание или побранить. За то, что вечно жалуется на детей родителям. За то, наконец, что никогда ничего не принесет из своей редакции, про которую ребята слышали много интересного. И вообще она чучело-мучело. Ясно, кажется?

— Пусти! — шепчет Димка Коников. — А то я тебя из пистолета.

— Ах, вот ты как!..

Надежда Георгиевна решительно отстегивает димкину пустую кобуру — его гордость и утеху — и быстро прячет ее к себе в зеркальный шкаф.

— Придет твой отец, я ему отдам эту гадость. И про хулиганство твое расскажу. А теперь марш, голубчик!..

Она выставляет мальчика за дверь и, поправив волосы, начинает, глядя в зеркало на свое раскрасневшееся лицо:

— Милые вы наши подписчики!..

— Отдай пистолет! — стонет за дверью Димка Коников. — Отдай же...

— Ни за что не отдам! Милые вы наши подписчики. Редакция бесконечно рада...

— Отдай пистолет! У-у, чучело-мучело!..

— Ты опять? Вот я тебя сейчас!..

Через час Надежда Георгиевна — тетя Надя — сидит за длинным столом, уставленным вазами с печеньем и фруктами. Десятки детских глаз: голубых, карих, черных, синих — обращены на нее. Улыбаясь бесконечно милой, ласковой улыбкой, разводя обнимающим жестом короткие толстые руки, она говорит:

— Милые вы наши подписчики! Редакция бесконечно рада видеть вас у себя. Давайте, ребята...

А в это время в коридоре ее квартиры, за шкафом с книгами, где пахнет плесенью и живут науки-одиночки, идет другое совещание. Председательствует Димка Коников.

— Давайте поймать мыша и бросим ей в кровать, — предлагает девочка Женя с голубыми добрыми глазами и первая аплодирует своему предложению.

— Одного мыша мало, — деловито говорит Димка Коников, — давайте бросим двух...

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

Рис. Бор. Ефимова

Кофе по-варшавски.

ПОСТОРОННИЙ

Третьего дня приобрел себе Сергей Иванович новенький костюм, настоящий подковорот, а нынче от пиджака две верхние пуговицы отвалились.

«Безусловно, пуговицы — мелочь быта, — сознательно подумал Сергей Иванович, — и я свободно сам могу их пришить. Но ведь небрежность — вот что обидно».

И он тут же решил зайти на родину своего костюма, в ателье мод, и по-товарищески указать на недостатки.

Однако как раз в этот день в ателье мод вместо обычной работы происходил общественный просмотр новых моделей и проводилась небольшая конференция по вопросу самого лучшего в мире обслуживания клиента.

«Еще лучше! — обрадовался Сергей Иванович. — Тут вот я и выскажусь. По-товарищески».

Народу было довольно много. Все молчали и слушали, а говорил плотный мужчина в костюме изысканно блеклого цвета и в кремовых гетрах.

— К вам обращаюсь я, — бойко выбрасывая руку вперед, говорил мужчина. — К вам, наш небывалый, чуткий особенный клиент.

Сергей Иванович всегда считал себя чутким гражданином, поэтому теплые слова мужчины в кремовых гетрах пробудили в его сердце чувство признательности и некоторой неловкости за себя.

«Человек от чистого сердца говорит, душу в слова вкладывает, а я было со своими пуговицами вылез. Недоучел момента».

Человек в гетрах закругил и заканчивал:

— Будучи главой данной торговой точки, я говорю прямо: приходите поделиться опытом, подать совет; приходите, наш замечательный, дорогой клиент.

Речь его была покрыта аплодисментами, и Сергей Иванович, не желая портить впечатления, не дождался следующих выступлений и пробрался на улицу, унося в сердце слова мужчины в кремовых гетрах.

А на утро у Сергея Ивановича отскочили обе оставшиеся пуговицы и одна брючная чуть держалась на виточке.

«Все-таки придется пойти поделиться опытом», — подумал Сергей Иванович.

— Как бы мне увидеть заведующего? — обратился он, войдя в ателье, к молодому человеку с рассеянным лицом, стоявшему за прилавком с галстуками.

— А вам на что? — подозрительно осведомился молодой человек.

— Приглашал он меня опытом поделиться, — не совсем уверенно произнес Сергей Иванович, — так вот я и хотел насчет пуговиц.

Молодой человек нехорошо ухмыльнулся и указал на дверь с прибитой черной дощечкой, наполовину скрытую бархатной портьерой.

Заведующий оказался вчерашний мужчина в кремовых гетрах. Это приободрило Сергея Ивановича, и он дружелюбно сказал:

— Я пришел дать вам парочку советов и поделиться опытом.

— А кто вы? — настороженно спросил заведующий.

— Да ведь вы сами приглашали меня, помните, — заробел Сергей Иванович. — Я этот самый... ваш замечательный... дорогой...

— Я не имею понятия, — враждебно задернул плечами заведующий. — Золотой у нас есть. Продавец один — фамилия Золотой. А вы Дорогой? Не родственник?

— Нет, — потерянно произнес Сергей Иванович, — совсем даже посторонний.

— Ах, посторонний, — злое слово сказал заведующий, подошел к двери и, широко отворив ее перед Сергеем Ивановичем, сердито постучал пальцем по черной дощечке. — Кажется ясно, гражданин, написано. Белым по черному: «Посторонним вход воспрещается».

В. КАРАБОВСКАЯ

Я прошу извинить, дорогие читатели, что задерживаю вас на таком пустяке, на незначительном факте, не стоящем, может быть, вашего просвещенного внимания, устремленного в другие дали. Но уж очень забавное дело я слушал в народном суде.

Один, представьте себе, муж весьма часто ходил на вечерние сверхурочные работы. Так он, по крайней мере, объяснял своей жене. А на самом деле у него никаких сверхурочных не было, а попросту он ходил в гости к одной своей землячке из Ростова.

У них в свое время в городе Ростове была пылкая любовь, и вот теперь они снова не без интереса встречались: они ходили в кино, в театры и так далее.

Но дома он, конечно, говорил, что у него экстренные занятия, брал для отвода глаз портфель и шествовал к своей подруге.

Наверно, он не хотел, как говорится, затемнять семейные горизонты личными делами и поэтому так поступал. Тем более что у него были жена и сынишка лет десяти.

Вот однажды, придя со службы домой и покушавши, он сказал жене, что сегодня вечером он должен пораньше пойти на одно экстренное заседание.

Жена начала ахать и говорить, что его что-то уж слишком загрузили делами, что он благодаря этому совершенно отбил от дому, что это ни на что не похоже и что если это так будет продолжаться, то она напишет об этом кому-нибудь из крупных хозяйственников, что, дескать, вот что получается.

Еле отвертевшись от семейных разговоров, наш муж надел пальто, взял портфель и направился к выходу.

Но едва он хотел выйти на лестницу, как вдруг в квартиру вошел счетчик из Электроточка.

Наш муж, желая посмотреть, сколько у него нагорело электричества, немного задержался в передней. И, узнав сумму, вытащил бумажник из кармана и дал деньги своей жене с просьбой тут же расплатиться. А сам поскорей вышел, чтобы снова, чего доброго, не возникли разговоры.

Но тут случилось так, что он, торопясь и волнуясь, что опаздывает, взял портфель счетчика вместо своего портфеля и с ним поспешно вышел.

А это был обыкновенный, грубый парусиновый портфель. И в нем были разные официальные бланки, документы, карточки и так далее.

Но наш инженер, находясь мыслями в другом месте, просто даже не заметил, что он несет.

А надо сказать, что в его собственном портфеле, как на грех, были положены конфеты, которые он хотел преподнести своей знакомой, какое-то еще дамское шелковое кашне и хорошенький бювар для писания писем.

Вот, значит, этот злополучный портфель с подарками остался в передней на стуле, а он сам с парусиновой чепухой прибыл к своей подруге.

Но, поскольку он запоздал или уж я не знаю что, она не смогла его принять. То есть она вышла к нему в переднюю и с ним мило объяснилась, но сказала, что у нее сейчас сидит приехавший из провинции какой-то ее дядя с маминой стороны и она, думая, что инженер не придет, договорилась уж со своим дядей куда-то пойти.

Находясь в большом огорчении, наш инженер не сразу, конечно, ушел, а он долго конючил в передней, говоря, что он всего-то опоздал на пять минут и что это очень жаль, что у него сорвался вечер. И тогда она пообещала встретиться с ним завтра.

Вот наш инженер, находясь в расстройстве чувств, стал прощаться со своей подругой. И собрался уже уйти, как вдруг увидел в своих руках какую-то парусиновую штучку, какой-то замызганный, не его портфель.

В полной уверенности, что это он сейчас взял его по ошибке, он положил его на столик в передней и стал искать свой портфель.

А в передней, под стулом, стоял чей-то портфель. И наш инженер, найдя его, до некоторой степени даже удивился и стал вспоминать, когда же это он успел засунуть свой портфель под стул.

Но так как его землячка снова начала спешно с ним прощаться и его выпроваживать, то он и не стал больше задумываться над этой материей, а, вытащив портфель из-под стула и решив, что он подарки сделает завтра, еще раз приложился к ручке своей знакомой и вышел с чужим имуществом. И она ему ничего не сказала, поскольку она, наверно, тоже не знала, что это портфель ее дяди. И вдобавок в передней царил полумрак.

И вот, выйдя на улицу, наш инженер побрел потихоньку домой, помахивая портфелем.

А надо сказать, что дома у него был уже полный переполох.

Счетчик, получив деньги и не найдя своей парусины, поднял тарарам и, думая, что это хозяйский мальчишка, играя с портфелем, затащил его куда-нибудь в комнаты, стал везде искать и, разыскивая, перевернул всю квартиру вверх дном.

Жена тоже деятельно помогала искать, но, найдя портфель мужа, удивилась, что он не взят. И из чисто женского любопытства заглянула туда, что там есть. И, найдя вещи, несколько странные для сверхурочных занятий, взволновалась и, уйдя в свою комнату, стала обдумывать, чтобы все это значило.

Сынишка же инженера, десятилетний мальчик, увидев содержимое портфеля, выгреб из него коробку конфет и, как говорится, отдал должное кондитерским изделиям.

Придя к мысли, что муж ей говорит неправду о сверхурочных занятиях, жена начала плакать. Но тут раздался телефонный звонок и грубый мужской голос сказал, что если еще не пришел ее муж, то пусть она передаст ему, что там, где он сейчас был, он оставил свой портфель с бумагами,

а вместо него взял по ошибке чужой портфель. И пусть он как придет, срочно это вернет, так как они садятся ужинать, а в портфеле остались кое-какие съестные припасы.

Жена сквозь слезы обещала, что передаст мужу, и, повесив трубку, начала рыдать, поняв отчасти, где ее муж бывает.

В общем в доме был полный кавардак, когда на семейном горизонте вновь появился наш злосчастный супруг.

Счетчик из Электроточка, который перевертывал теперь кухню кверху дном, набросился на вошедшего инженера, требуя моментально найти его портфель, в котором заключалось электрическое хозяйство всего района.

Не понимая еще, о чем идет речь, муж услышал рыдания своей супруги и поспешил к ней в комнату. И там вскоре разразилась буря, так что счетчик и не рискнул туда войти, а, с видом великомученика, сел в коридоре на стул и стал ждать, чем все это кончится.

Тут сынишка инженера, увидев новый портфель, поинтересовался, что еще принес папа. И хотя бабушка запретила трогать этот портфель, тем не менее мальчик выгреб из него еще одну коробку конфет, маринованные пикули, паюсную икру и бычки в томате. Мальчик, не чувствуя больше аппетита к конфетам, отнес их в буфет. А бабушка, будучи не в курсе дела и полагая, что продукты принесены для дома, поставила пикули, икру и бычки за окно. Причем, пробуя икру, больше чем следует налегла на нее, так что за окно попало, собственно говоря, весьма незначительное количество.

Во время этих хозяйственных процедур и в момент наивысших криков в спальне снова раздается телефонный звонок. И муж сконфуженно начинает в трубку объяснять, что это просто ошибка и что портфель будет моментально доставлен.

И с этими словами инженер идет в коридор, находит там счетчика, извиняется перед ним, дает ему адрес и рубль на автобус и просит взять портфель, лежащий в передней, и обменять его на свой, случайно занесенный в другое место.

Счетчик, довольный, что портфель с денежными бумагами, наконец, найден, не стал слишком много распространяться и, только слегка поругавшись с рассеянным интеллигентом, отбыл, захватив для обмена портфель, опустошенный бабушкой и внуком.

Но едва в квартире наступила тишина и утомленные супруги прилегли после бури отдохнуть, как вдруг снова раздался телефонный звонок и грубый мужской голос сказал жене, что ее супруг, видимо, попросту, арап, если из чужого портфеля он выгреб все, что там было. И что, если на то пошло, пусть он оставит себе бычки в томате, но икру и пикули пусть моментально вернет, иначе ему не сдобровать. И что даже его знакомая просит ему передать, что он подлец.

Муж, чувствуя, что идет скандальный разговор, вырвал трубку от жены и стал кричать, что он ничего из портфеля не брал и даже его не открывал и пусть все убираются к чорту. А что за посланного человека он не отвечает и если тот взял что-нибудь из портфеля, то пусть они и имеют с ним дело.

Тогда грубый мужской голос стал мягче и сказал, что посланный человек еще не ушел и что он вытряхнет из него душу, но икру и пикули вернет.

Наконец, все смолкло. Муж и жена, объединенные общим военным фронтом, несколько даже примирились. И жена взяла с него торжественное обещание, что впредь таких вещей не будет.

Однако примерно через час в квартиру явился весьма бледный и в растерзанном виде счетчик и поднял невероятный скандал, требуя возврата каких-то продуктов. Но так как ни муж, ни жена об этих продуктах ничего не знали, а бабушка уже спала сном праведницы, то рассердившийся инженер велел счетчику моментально уйти. Счетчик сказал, что подобных людей он еще не видел в своей жизни и что на инженера и на того мужчину, который чуть не вытряхнул из него душу, он завтра же подает в народный суд. Тем более что, мало того что он потерял рабочий день, он еще получил нервное и физическое потрясение и вдобавок до сих пор не получил своего портфеля с денежными документами, за который тот требует выкуп.

В общем счетчик, действительно, подал в суд. И на суде распуталась вся цепь событий.

Публика невероятно веселилась, когда выступавшие свидетели объясняли, как это все было. Но смех достиг наивысшего напряжения, когда бабушка начала рассказывать, как она съела икру.

Народный судья, женщина, отметила в своем слове, что мещанский быт, с его изменами, враньем и подобной чепухой, еще держится в нашей жизни и что это приводит к печальным результатам. Так например пострадавший на своем посту счетчик является в некотором роде жертвой этого дела.

Обвиняемый мужчина, который, кстати сказать, оказался не дядей подруги инженера, а бывшим женихом, приехавшим из Ростова, принес свои извинения счетчику. Инженер тоже горячо извинился.

Суд вынес инженеру общественное порицание, а дядю из Ростова за то, что он немного помял счетчика, справедливо приговорил к принудительным работам на два месяца.

Публика этот приговор встретила с удовлетворением.

Что будет дальше, мы не можем вам сказать, но, поскольку на горизонте дяди не будет два месяца, возможно, что произойдет примирение между инженером и его подругой. И тогда, может быть, снова возникнет какая-нибудь ерунда на семейном фронте.

МИХ. ЗОЦЕНКО

Рис. Л. Соифертиса

И Л Ь Я И Л Ь Ф

Нам не надо говорить здесь, что книги, написанные Ильёю Арнольдовичем Ильфом совместно с Е. П. Петровым, — хорошие книги. Советский читатель оценил их. Эти книги получили признание и за рубежом.

Здесь мы можем и должны сказать о самом писателе Ильфе. Сказать о нем то, что редко говорят в печати при жизни литератора.

Илья Ильф был необыкновенно талантливым и умный человек. Точно и принципиально умел он оценивать и значительные события и мелкие факты. Требовательный художник, он ни в малой мере не был формалистом или снобом.

Будучи популярным сатирическим писателем, сльвя одним из первых наших юмористов, Ильф никогда — не только в книгах, но и в жизни — не скатывался к зубоскальству.

Книги не могут передавать интонации живой речи своего автора. А жаль. Те, кто слышал интонации живой речи Ильфа, почти всегда становились поклонниками Ильфа-собеседника, Ильфа-писателя, Ильфа-человека. Он умел в ничтожном видеть важные явления, а в важном с виду подчас находил мелкую его сущность.

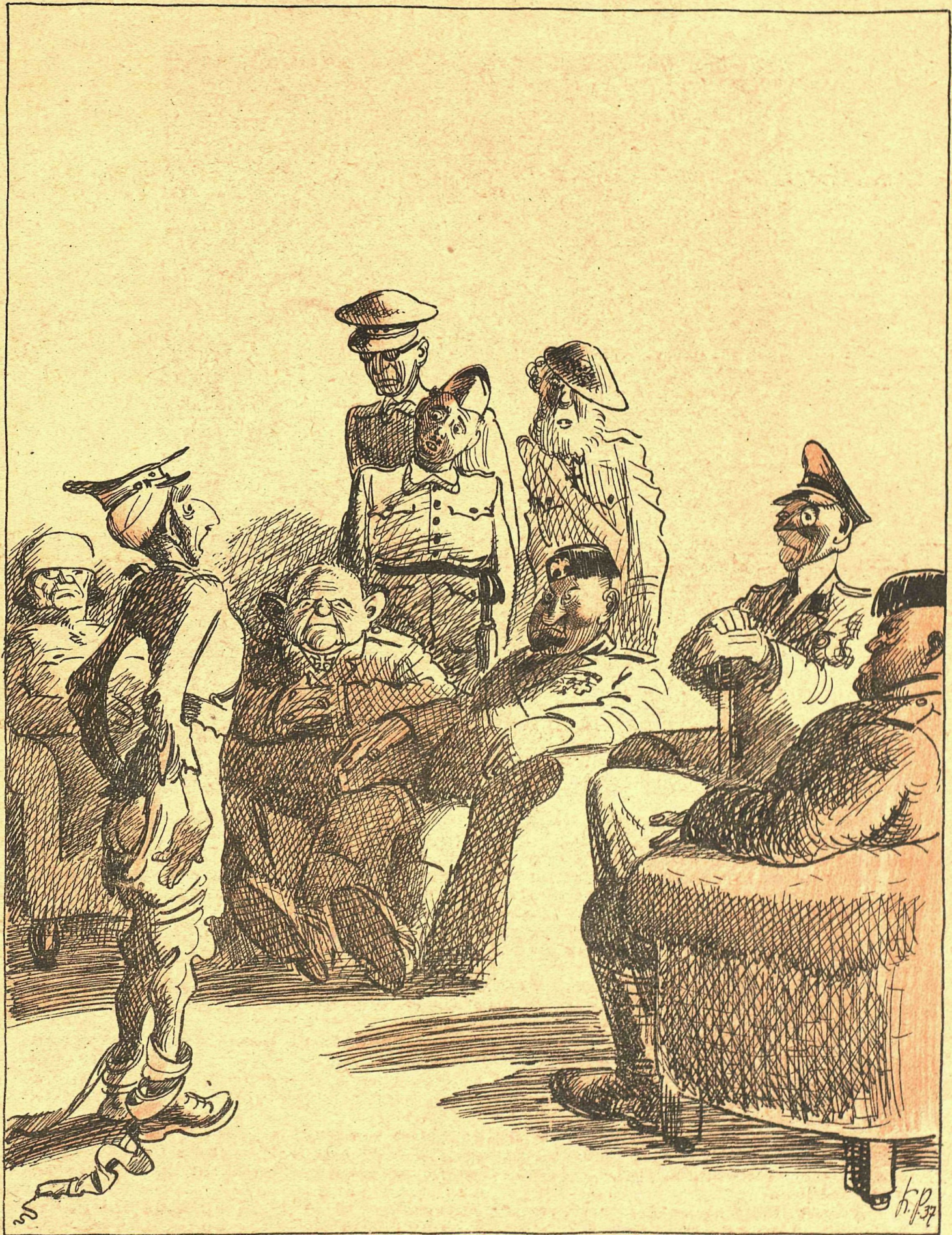
В содружестве с Петровым Илья Ильф поднял в „Правде“ ряд проблем, связанных с достоинством советского гражданина, с его интересами, ущемляемыми равнодушными и тупыми „тумбами“ в образе человеческого.

Писателя мы ценим не только по тому, что он дал, но и по тому, что он может — в данном случае мог бы — дать. Ильф писал хорошо и мог бы в будущем писать еще лучше.

Коллектив Крокодила, скорбя о потере выдающегося советского литератора-сатирика, выражает глубокое соболезнование семье покойного И. А. Ильфа и многолетнему другу и соавтору покойного — Евгению Петрову.

В ШТАБЕ МЯТЕЖНИКОВ

Рис. Н. Ротова

— Как у вас обстоит дело с командными кадрами?

— Как раз лучше всего. Еще несколько крупных сражений—и генералов будет больше чем солдат.

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Уважаемый Крокодил!

Спешим поделиться с тобой большой радостью. Впервые за все время существования нашего обкома мы получили знак внимания со стороны Казахстанского совета профсоюзов — телеграмму за подписью тов. Тиунова: «Петропавловск. Обком МТС. Срочно телеграфируйте мероприятия культурному обслуживанию посевной. Казсовпроф Тиунов».

Экономия профсоюзные деньги, просим поместить на своих страницах ответ на эту бюрократическую телеграмму: «Алма-Ата. Казсовпроф Тиунову. Срочно телеграфируйте ваших мероприятия культурному подлинно большевистскому руководству связи обкомом союза. Североказахстанский обком союза рабочих МТС Востока Супруненко, Шамрай».

Петропавловск,
Североказахстанской области.

Товарищ Крокодил!

Научи, пожалуйста, как фотографировать лошадей для удостоверения ихней личности: в профиль, анфас или три четверти; с недоуздом или без. А то вахтер Научно-исследовательского института № 11 имени Фрунзе не пропустил возчика Жиганова с подводой, не удовольствовавшись пропуском, выданным возчику как ему лично, так и на перевозимую продукцию. Бдительный вахтер потребовал специального пропуска с фотографией лошади. Когда по этому поводу делопроизводитель тов. Шабанова позвонила коменданту института Сорину, тот нисколько не удивился и спокойно обещал выяснить, в чем дело. Так что, товарищ Крокодил, срочно требуются указания, как фотографировать лошадей для пропусков, чтобы предупредить возможность проникновения на территорию института № 11 классово невыявленного тягла.

Председатель цехкома
Н. ЦЫГАНОВ

Город Горький.

Уважаемый товарищ Крокодил!

Очевидно, начальник 34-го почтового отделения города Москвы сильно страдает при мысли, что вдруг создадутся какие-нибудь удобства для клиентов возглавляемого им отделения. Почтовое отделение без очереди не выдерживает в его глазах никакой критики. На этой почве у него 28 марта произошел оживленный обмен мнениями с преподавателем Академии генерального штаба РККА комдивом тов. Н. Н. Шварцем. Тов. Шварц долго стоял в единственном числе около окошечка, где должна приниматься плата за право пользования радиоприемником. Когда его терпению пришел конец, он обратился с жалобой к начальнику отделения, который авторитетно заявил:

— Не может сотрудница подбегать к окошку ради одного человека. Вот подождите, накопится очередь...

Товарищ Шварц, правда, ответил на это, что он уже давно ждет, но непреклонный начальник 34-го отделения сурово отрезал:

— Ну и что ж? Подождете!

Интересно, долго ли будет этот идеолог очередей ждать, пока начальство вправит ему мозги?

Слушатель Академии генерального штаба РККА полковник М. МАЛОВСКИЙ

Москва

Дорогой Крокодил!

9 января я купил в саратовском магазине Военторга темносиние суконные брюки военного образца за 89 руб. 40 коп. Некоторое время я ничего особенного не замечал, но в начале марта смрадный, трупный запах начал заполнять комнату. Долго я не мог разобраться, в чем дело, пока, детально исследовав брюки прощупыванием, я не обнаружил что-то зашитое возле правого кармана. Когда я лезвием безопасной бритвы сделал надрез, я обнаружил совершенно разложившийся труп мышонка. На поясе брюк имеется штамп: «Наркомместпром, фабрика Ревтруд, гор. Тула».

Интересно узнать, кто зашил на фабрике в брюки труп

мышонка. Растяпа или враг? Ведь враги народа никакими средствами вредительства не брезгают.

И еще интересно: кто, собственно говоря, вернет мне деньги, потраченные на покупку брюк, настолько пропахших трупным запахом, что носить их невозможно? Платить же 89 руб. 40 коп. за дохлого мышонка — накладно для моего кармана.

Техник-интендант 1-го ранга Б. СЕРМЯГИН

Рузаевка,
Ленинской ж. д.

Уважаемый товарищ Крокодил!

Помоги нам получить от бюрократов, засевших в Дзержинском райкоме комсомола Москвы, личное дело нашего курсанта Федора Васильевича Пиляева. Несколько раз мы запрашивали от них это дело. А когда, наконец, политотдел школы получил пакет из Дзержинского райкома комсомола, то в нем оказалось не просимое дело, а, наоборот, просьба райкома, чтобы политотдел выслал это дело им!

Передай, пожалуйста, дорогой Крокодил, московскому комитету комсомола, чтобы он заинтересовался судьбой личного дела № 217580 тов. Пиляева и заодно развалом комсомольского хозяйства, который существует в Дзержинском райкоме.

Член бюро комсомольской организации Н-ской оружейно-технической школы ЛЕОНИД МАГЕР

Дорогой Крокодил!

Мы, донские казаки-колхозники, очень огорчились, прочитав книгу Артема Веселого «Частушки колхозных деревень», изданную Гослитиздатом в 1936 г. Интересные частушки преподносит Артем Веселый своим читателям:

«Я поставил свечку в речку,
Кто-нибудь поклонится.
Все ребята комсомольцы,
Не с кем познакомиться...

Кому — тюрьма, а мне — дом родной.
За решеткою сидит милый мой».

Вот колхозники и спрашивают: почему это с комсомольцем нельзя познакомиться и для кого это, собственно говоря, тюрьма—дом родной? Не иначе, как эти частушки выдуманы врагами и нечего их печатать на советские денежки и распространять среди честных советских людей. А Артему Веселому пусть будет стыдно. Передай ему, пожалуйста, дорогой Крокодил, чтобы он лучше делом занимался.

СЕРГЕЙ БАШМАЧНИКОВ

Ростов на Дону

Уважаемый Крокодил!

В феврале этого года в отдел капитального строительства Воронежского дизельного завода имени Сталина прибыл гражданин выше среднего роста, худощавый, тридцати семи с небольшим лет, с беспокойными, нервными глазами. Он предъявил командировку, выданную ему—Загорскому—объединением «Союздизель», из которой явствовало, что он командирован на строительство для занятия должности главного инженера. В течение нескольких дней он яростно нажимал на дирекцию завода и, получив 250 рублей аванса, бесследно исчез, оставив в номере записку, полную безысходного пессимизма: «Не видя в будущем возможности столкнуться с Лясищем (директором завода), я покидаю Воронеж». Это было 23 февраля.

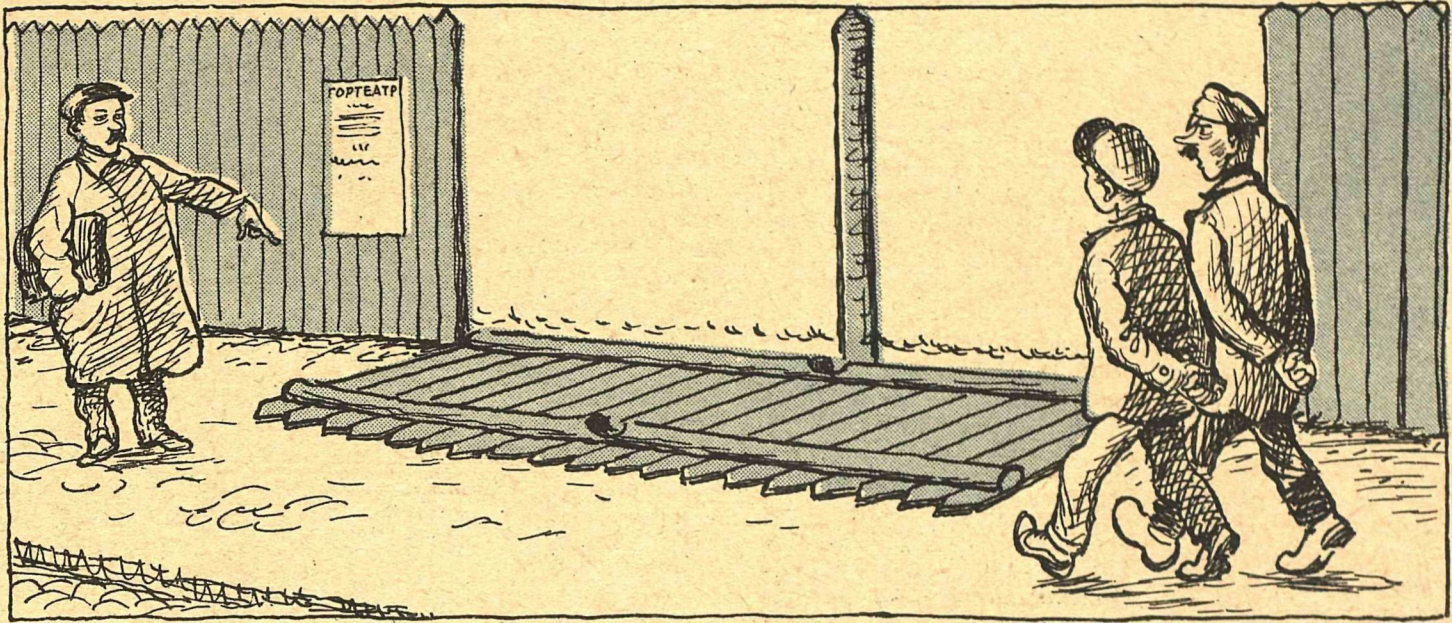
Просим «Союздизель» и отдел кадров Наркомтяжпрома разыскать этого ловкача и использовать его в дальнейшем не для посылки на руководящую работу, а в качестве наглядного примера того, как иногда весьма почтенные организации беспечно в подборе ответственных работников.

П. ГРИГОРЬЕВ.

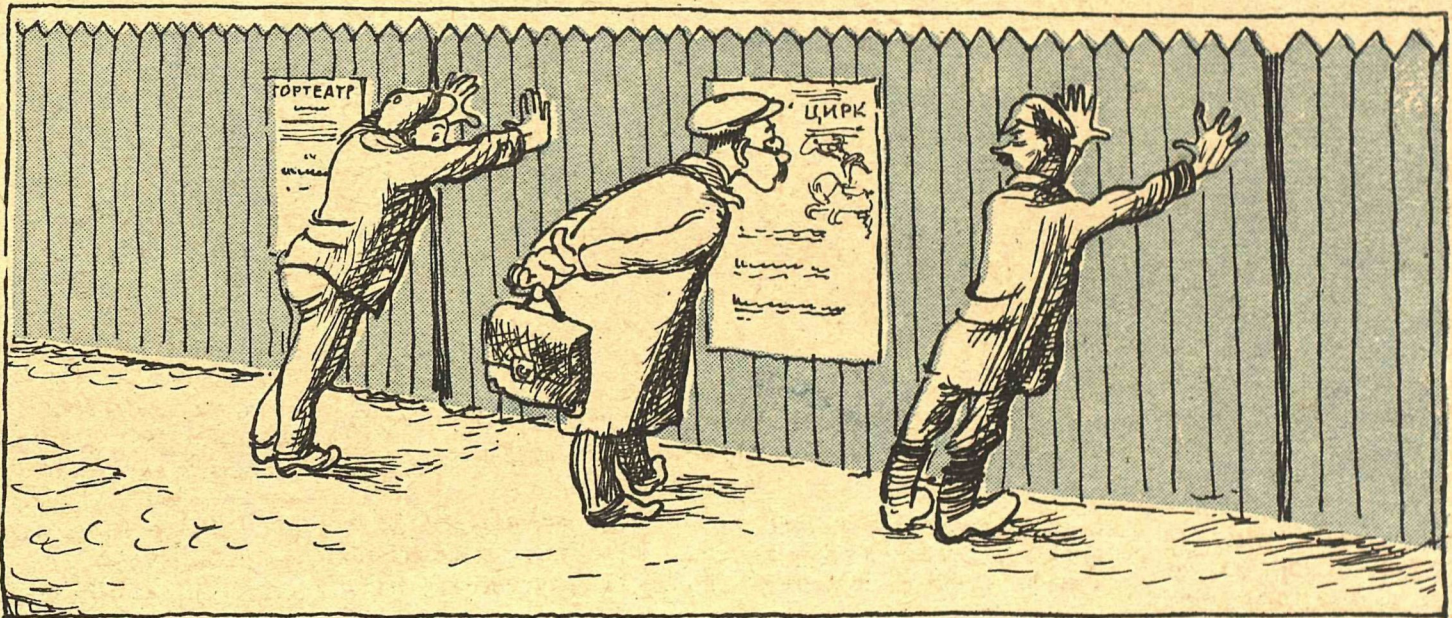
Воронеж

НЕЧАЯННАЯ РАДОСТЬ

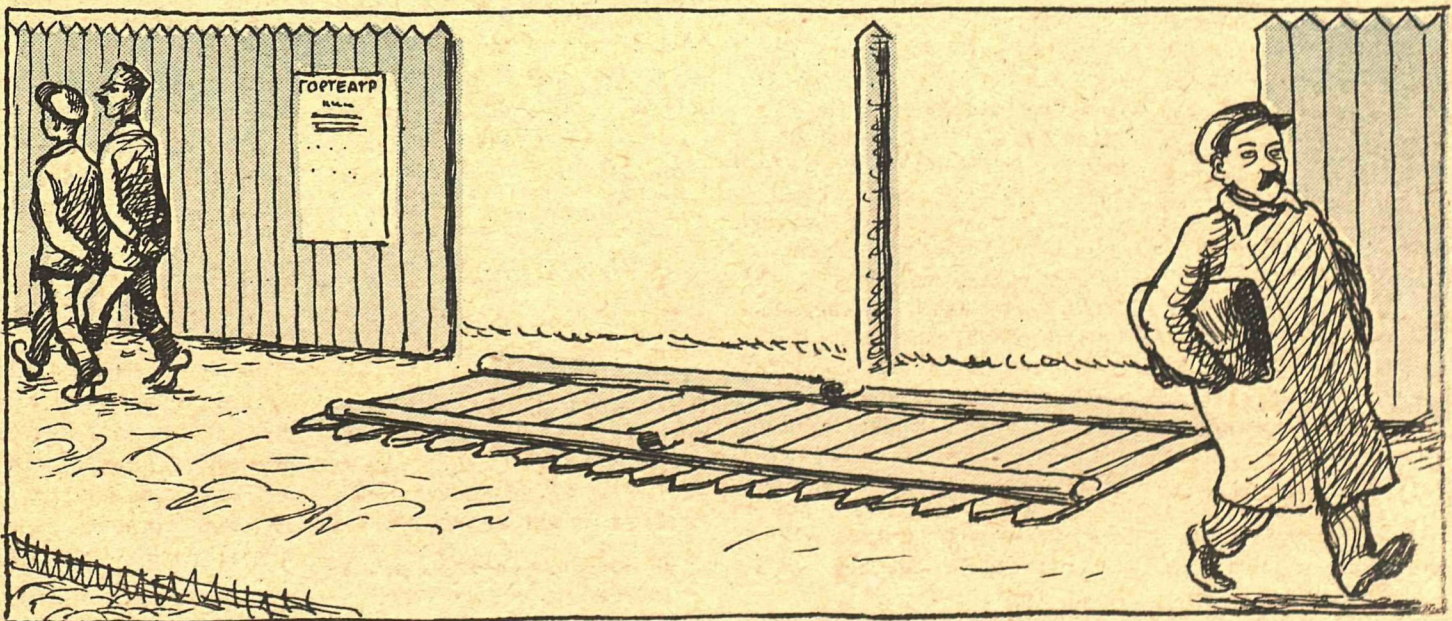
Рис. К. Ротова

ЗАВЕДУЮЩИЙ ГОРКОМХОЗОМ:—А ну, товарищи, давайте подыдем забор...

— Гм!.. Гм!.. Занятная программа сегодня в цирке... Начало в семь тридцать...
Скорее домой, переодеться—и в цирк...

- Не служили ли вы раньше в столовой?
- Совершенно верно. А что?
- Ничего. Вы мне подали чернильницу с мухой.

О С О Б Ы Й О Т Д Е Л

НЕХОРОШЕЕ ОТНОШЕНИЕ К ЛОШАДЯМ

Треугольник Умбского лесокombината (Мурманский округ) прислал от имени своих рабочих и служащих договор на социалистическое соревнование Мурманскому лесокombинату. В этом договоре пунктом третьим значится:

«Вести беспощадную борьбу за бережное обращение с конским поголовьем, с тем чтобы состояние всего обоза к концу вывозки было выше средней упитанности, а колхозного — средней упитанности».

Рабочие и служащие Мурманского лесокombината вызов на социалистическое соревнование приняли, но пункт этот выбросили и просят у Крокодила выяснить, чем провинились колхозные лошади перед директором Умбского лесокombината Чваниным, секретарем парткома Кольбиным и заместителем председателя завкома союза леса и сплава Пантелеевым.

Судя по вышеприведенному пункту договора, колхозные лошади сами имеют большее право обижаться на треугольник Умбского лесокombината.

ПОСМЕРТНЫЕ СТРАДАНИЯ АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВИЧА ПУШКИНА

Горючая газета «За большевистские колхозы» (Калининской области) почтила память Пушкина следующими безграмотными стишками:

*«Погиб в кашмаре гений света
Великих умственных трудов
Ума и ясности поэта
Воззри как памятник годов».*

и т. д. и т. п., а всего 24 строчки безграмотной абракадабры.

Другая газета, «Красное знамя», орган Пречистенского райкома (Западной области), решила воздать должное Пушкину прозаическим сочинением В. А. Новицкого. Оный Новицкий восторженно восклицает:

«С какой только радостью слышно: в синем небе звезды блещут, в синем море волны плещут. Разве не есть что-то милое, детское, рисовал в своих стихах Александр Сергеевич Пушкин... Но безнадежна всякая попытка полностью показать творчество А. С. Пушкина... Жалко только, что А. С. Пушкин живет не в нашу пору».

Спору нет, конечно, жалко. Но «с какой только грустью слышно», уважаемый редактор «Красного знамени» тов. Прохоров, когда читаешь вышеприведенные безграмотные строчки.

Хорошо сказал как-то по этому поводу покойный Николай Васильевич Гоголь: «Только где-нибудь поставь какой-нибудь памятник или просто забор,— чорт их знает откуда и нанесут всякой дряни».

НЕТ БОЛЬШЕ ПЕРВОГО АПРЕЛЯ

Заместитель начальника центральной научно-исследовательской лаборатории, находящейся в Воронеже, тов. Уваров предвосхитил могущие иметь место в подведомственной ему лаборатории первоапрельские шутки следующим очаровательным приказом:

«Предупредить весь состав лаборатории, что обычно принятую 1-го апреля форму шуточной лжи и обмана воспрещаю в самой категорической форме. Виновных буду наказывать как за ложь».

Зам. Нач. ЦНИИЛ Уваров»

Что ж — каков обычай, таков и приказ. Умные обычаи вызывают обыкновенно к жизни более серьезные приказы.

В. Коренюк получил из прокуратуры УССР воспроизводимое нами полностью извещение по возбужденному им делу. Как видно даже невооруженному взгляду, вместо старшего референта отдела, как на карточке, так и в действительности, — пустое место.

ПРОКУРАТУРА
УКРАЇНСЬКОЇ РАДЯНСЬКОЇ
СОЦІАЛІСТИЧНОЇ
РЕСПУБЛІКИ

Технічне Бюро Прокуратури Республіки повідомляє,

що скаргу Вашу на _____ на розгляд _____

_____ 193 р. за № _____

куди Вам і належить звертатись за всіма довідками

Ст. референт відділу

Совєборгучет аб 7230 Вінниця. друк. в-па „БП“ 250—25000

ПОРА ВЫВЕЗТИ

Уроки в этой школе часто сопровождаются страшной бранью, пьяные голоса заглушают объяснения педагогов, противный запах водки борется с небогатой вентиляцией. Иногда с шумом и грохотом пьяных выталкивают из помещения школы и на время воцаряется относительная тишина. И тогда дирекция школы, и преподаватели, и восемьсот ее учащихся в который раз вспоминают недобрый словом председателя Тобольского окрисполкома, который ни за что не хочет вывезти из помещения школы затесавшуюся туда винную лавку. Так по сей день и красуются на одном и том же адании две вывески: первая — Тобольской неполной средней школы № 3 и вторая — винной лавки Госспирта. Нам кажется, что давно уже пора вывезти из школьного адания винную лавку, а из состава президиума окрисполкома — всех чиновников, которые не видят ничего предосудительного в соседстве школы с винной лавкой.

КОСТЕР И ИСКОРКА

Тов. Б. Вербицкий послал в бакинскую газету «Бакинский рабочий» три стихотворения и получил от консультанта М. Василенко вместе с приветом отношение, в котором сообщается, что он внимательно прочел стихи Вербицкого и что

«в них есть, как говорится, поэтическая искорка, из которой в будущем, несомненно, разгорится целый костер».

Вне зависимости от нашего отношения к стихам тов. Вербицкого нам кажется, что напрасно тов. Василенко так разбрасывается кострами. Такой огнеопасный лексикон ничего, кроме огорчений, ни консультанту, ни консультируемому, обыкновенно не приносит.

УДИВИТЕЛЬНОЕ МЯСО

Танеевский сельсовет, Луниного района, Куйбышевской области, выдал гражданину Уланову, Александру Ивановичу, справку в том, что

«он действительно имеет свое собственное мясо, выращенное в своем хозяйстве».

Ждем от составителя этого веселого документа справку о том, что он действительно имеет свою собственную голову, выращенную в своем хозяйстве.

О ШАЙКЕ

Еще во мраке времен великолудские жители страдали от отсутствия хорошей бани. По сей день они томятся в огромных очередях у дверей дряхлой городской бани, чтобы как-нибудь проверить это совершенно необходимое санитарно-гигиеническое мероприятие. И не то чтобы в Великих Луках (Калининская область) не было новой бани: уже два года, как ее построили, но до сих пор она все еще не вступила в строй действующих гигантов коммунального обслуживания Великих Лук.

Лица, причастные к строительству, объясняют, что вся застопорка произошла якобы из-за нехватки шайк.

Конечно, дело в шайке, но не в той, при посредстве которой моются, а в той шайке бюрократов, которая умудрилась два года продержаться законсервированной новой баню.

РЕЧЬ ТЕАТРАЛЬНОГО ДИРЕКТОРА

ДИРЕКТОР ТЕАТРА (выходит за занавес перед началом спектакля). Уважаемые товарищи зрители! Я как директор 18-го государственного стационарного передвижного базового театра имени Шильонского узника должен перед тем, как показать вам наш блестящий спектакль, сказать несколько слов, которые помогут вам найти этот спектакль действительно блестящим.

Наш театр, стоя одной ногой на позициях высокого содержания, другой ногой приветствует высокую форму. Во обще, товарищи, у меня нет слов, чтобы рассказать вам как хорош наш театр... Пожалуй, даже для этого-то у меня есть слова, но вот для чего у меня нет слов: это для того, чтобы говорить о недостатках нашего театра.

Наш театр всегда стремится дать зрителям бодрую зарядку. И нам это почти всегда удается. Так например на предыдущей постановке зарядка у нас была такая сильная, что зрители зарядились уже к концу второго акта, и тут же происходили шумные разрядки от нашей зарядки.

Сегодня вам тоже предстоит получить зарядку при помощи пьесы «Гниды века».

Что же я со своей стороны могу сказать об этой пьесе? Я могу сказать только хорошее, потому что, когда мы принимали и репетировали эту пьесу, я о ней говорил столько плохого, что больше уже нечего говорить о ней плохого.

В этой пьесе выводится один фараон... или царь... в общем шах. Надо прямо сказать: этот шах — он не наш человек. Потом там еще один жрец, служитель культа, — тоже не наш человек, хотя в результате работы с автором мы его приблизили к современности. Каким образом? А вот как. Раньше этот жрец был добродушный человек, а нам удалось сделать из него форменную сволочь... К сожалению, мы еще не добились, чтобы и декорации производили бы отталкивающее впечатление, хотя костюмы уже определенно противные.

Я должен еще отметить, что сегодня мы показываем наш спектакль не рядовому зрителю, а избранной театральной публике. Так сказать, на собаках пробуем.

Вот, примерно, все, что я хотел сказать. Но, к сожалению, важно не то, что говорю я, а то, что скажет массовый зритель. Еще год назад было так отлично устроено, что билеты на спектакль покупали одни, а смотреть приходили другие. Теперь же существует такое ненормальное положение: билеты покупают и смотрят одни и те же люди. Конечно, убытки от этого огромные... То есть не у нас, конечно. К нам-то публика валит валом. Даже двумя валами. Один вал валит на спектакль, а другой — сейчас же обратно... И почему-то это ненормальное положение называется «проверка рублем». А у нас третьего дня сбор был 43 копейки. Так выходит — это даже не рублем, а сорока тремя копейками проверка... (Наклоняется доверительно к публике: речь его приобретает интимные интонации.) Вообще, знаете, так трудно, так трудно теперь быть театральным директором! Если бы кто знал, какая канитель постановка каждой новой пьесы! Принимаешь к постановке, а сам дрожишь как дурак. А вдруг это не то? Глядишь, и действительно не то. Накрутят тебе хвост и говорят: ставь сейчас же еще что-нибудь... Как ставь? Да тут полгода на пьесу смотреть не можешь — отворачиваешься... А они: шесть постановок в год. Кто ж это выдержит? Нет, как хотите, а лично я думаю сматываться с этого дела. Так что если у кого-нибудь из вас есть на примете местечко, очень прошу не забыть обо мне. Я тем более хорошо знаю снабженческую работу, знаком с бухгалтерией и могу при случае прочитать лекцию или доклад. Там какой-нибудь «Космос на сегодняшний день». (Внезапно меняет тон на величественно официальный.) Я надеюсь, товарищи, что вы полностью оцените то высокое мастерство, ту идейную заостренность, которую мы вложили в этот спектакль, как говорится, из последних сил. (Уходит за занавес.)

ИВАН ДИТЯ

Редактор — МИХАИЛ КОЛЬЦОВ

Редакколлегия: Л. ЛАГИН, А. НАЗАРОВ, Л. РОМИНСКИЙ

Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 7 час. Подписная цена на журн. 1 р. 50 к. в месяц

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“

Москва. Изд. № 369

Сдача текста и рисунков 5/IV-37 г.

Подп. к печати 11/IV-37 г.

Статформат 72x105 см.

Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

Уполномоченный Главлита № Б-10746

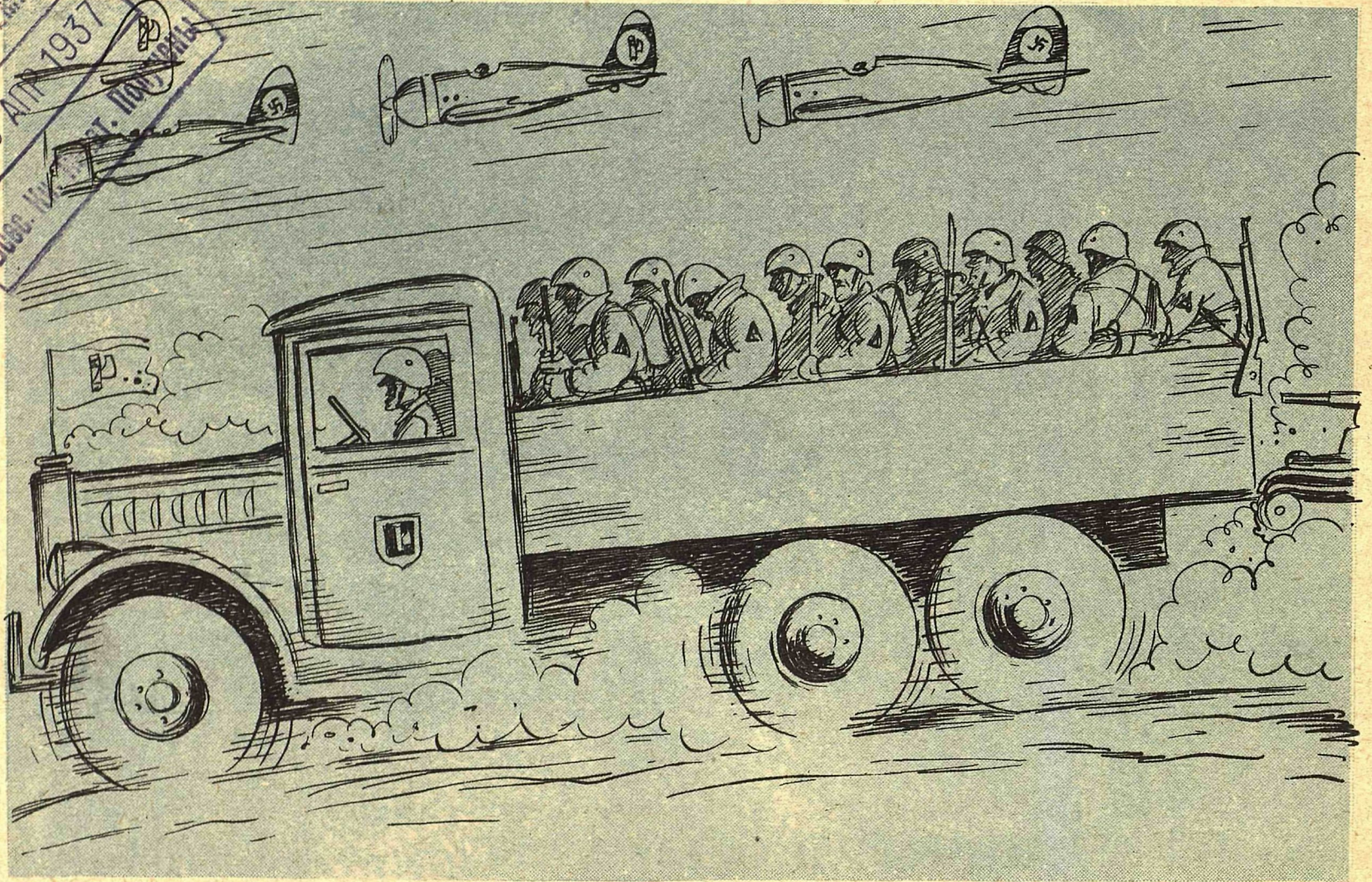
Типография газ. „Правда“ им. Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24. Заказ № 779

Тираж 275 000

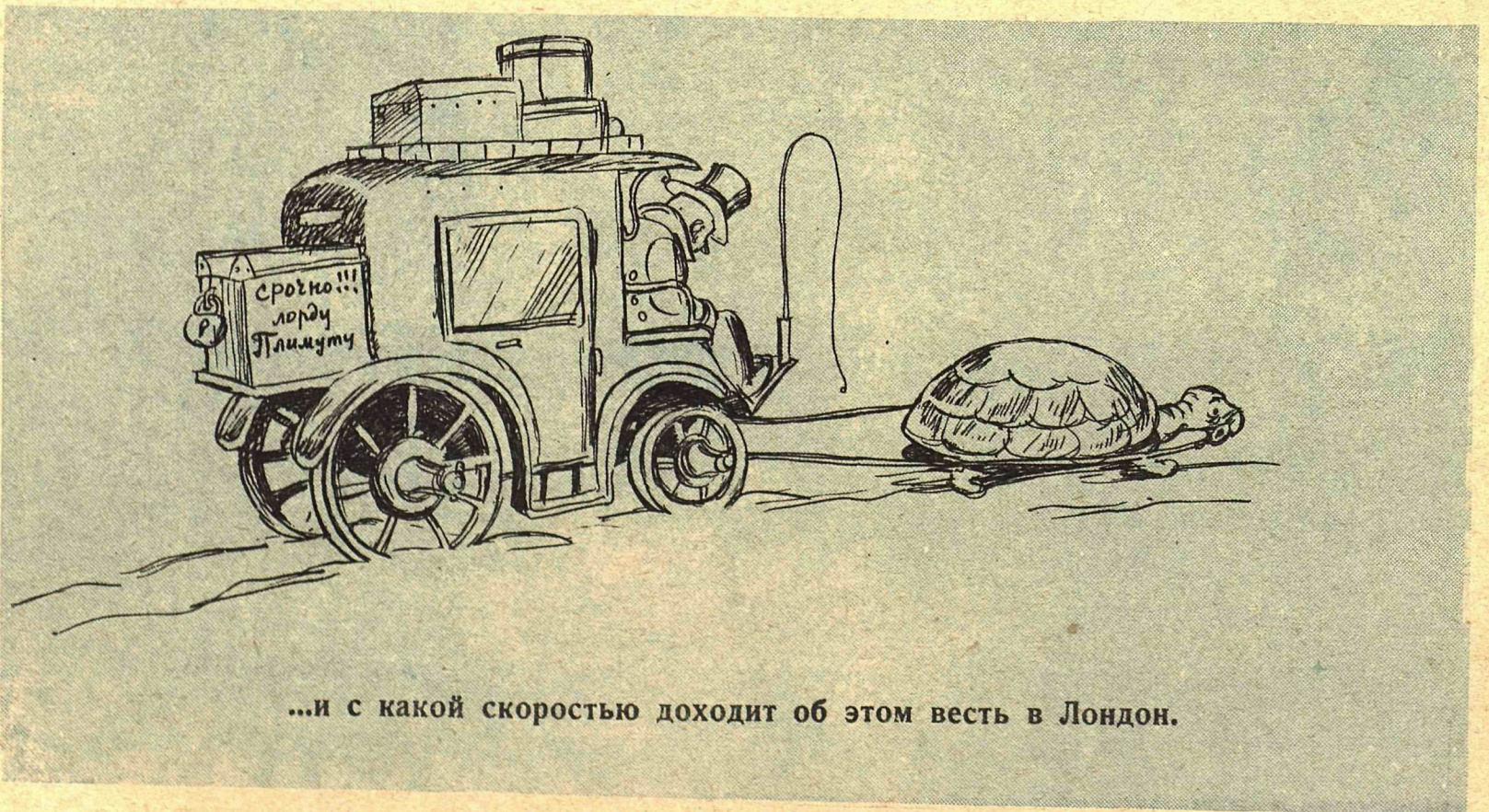
Рис. Бор. Ефимова

СВЯТАГО СЫМОНА
20 АПР 1937
ВООРУЖЕН. ПОУЧЕНИЯ

26 АПР 1937

С какой скоростью едут войска интервентов в Испанию...

...и с какой скоростью доходит об этом весть в Лондон.